

Ю. М. Лотман

ПУШКИН И М. А. ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ

В обширной и хорошо изученной теме «Пушкин и декабристы» есть еще недописанные страницы. К ним относится история отношений Пушкина с Орденом русских рыцарей. Этот сложный вопрос имеет много аспектов. Одна его сторона связана с Кишиневом, ибо, вопреки распространенному мнению, можно полагать, что в Кишиневе Пушкин столкнулся не с каким-то одним, хорошо организованным, единым декабристским обществом, а с несколькими и даже далеко не всегда взаимно скоординированными отголосками движения декабристов. Так, до сих пор остается неясным, какую декабристскую организацию представлял в Кишиневе Михаил Орлов: был ли он в эту пору связан с Орденом русских рыцарей, как представлял он себе отношение Ордена русских рыцарей и одного из его руководителей Мамонова к его кишиневской деятельности. Эти и многие другие вопросы требуют специального рассмотрения. В настоящей работе мы сосредоточим внимание на относительно частной проблеме: на том впечатлении, которое произвела на Пушкина личность одного из руководителей Ордена русских рыцарей графа М. А. Мамонова.

Пушкин никогда не встречался с Дмитриевым-Мамоновым и, более того, видимо, не имел достаточно проверенных, точных сведений о его личности и деятельности. Казалось бы, у него были прямые пути получить на этот счет самую подробную информацию. В годы, когда интерес к Ордену русских рыцарей у Пушкина проявлялся особенно заметно, т. е. в конце 1820-х — начале 1830-х годов, Пушкин встречался с одним из организаторов Ордена, близким сотрудником Мамонова, Михаилом Орловым. Однако эта тема, видимо, не была затронута в разговорах Пушкина с Орловым, и даже если Пушкин поднимал ее

когда-либо, то совершенно очевидно, что Орлов не был склонен даже с близкими друзьями обсуждать этот вопрос. Дело в том, что положение Орлова после восстания было исключительно трудным и двусмысленным. С одной стороны, ему приходилось из тактических соображений подчеркивать, что он не был непосредственным участником заговора, что он, якобы, несмотря на неоднократные приглашения членов общества, порвал с ним и непосредственно действий, которые можно было бы трактовать как криминальные, не совершил. Поэтому он был совершенно не расположен касаться тех сторон, которые представлялись особенно преступными в глазах правительства и остались за пределами внимания следствия. С другой стороны, Орлов болезненно переживал то недоверие, которое выказывали ему его вчерашние соратники, видя, что один из крупных деятелей движения непонятным образом оказался подвергнутым сравнительно малым репрессиям. Это ставило Орлова в двусмысленное положение, было предметом его мучительных душевных переживаний и двусторонне обуславливало нежелание его касаться тех вопросов, которые могли показаться особенно щекотливыми. Можно, не опасаясь нарушить истину, предположить, что ни с кем, в том числе и с Пушкиным, затрагивать эту щекотливую тему в конце 1820-х — начале 1830-х годов Орлов не был расположен.

Пушкин, вероятно, заинтересовался судьбой Мамонова, столкнувшись с многочисленными слухами, которые повторялись, особенно в Москве, еще долгие годы и носили, как правило, фольклоризированный характер¹. Но у Пушкина была возможность получить и в достаточной мере полную информацию из близкого источника. Это был князь П. А. Вяземский.

Отношение Вяземского к Мамонову было специфическим. С одной стороны, Вяземский, казалось, был очень информирован. Имение Вяземского находилось в близком соседстве с имением Мамонова — их разделяла лишь неглубокая река Вязьма, и земли соприкасались. Это было поместье, где Мамонов строил свою крепость и где в строгой изоляции, под величайшим секретом, совершалась мамоновская деятельность по несколько фантастическому плану создания в центре России опорного военного пункта для будущего революционного действия. Мамонов как близкий сосед и как источник многочисленных фантастических слухов еще в первую половину 20-х годов вызывал любопытство Вяземского.

Мы знаем, что Вяземский делал попытки лично познакомиться с Мамоновым и посетить его в его поместье. Известно,

что обычная попытка, принятая в помещичьем кругу, — приезд соседа с дружеским визитом — натолкнулась на резкий отпор. Вяземский не был даже допущен в дом и вынужден был уехать, не встретившись с Мамоновым. Тогда он использовал окружной путь для знакомства. Он обратился к Орлову с просьбой рекомендовать его. Сама по себе ситуация своеобразная: для того чтобы познакомиться с соседом по поместью, надо получить рекомендацию от человека, живущего за сотни верст от поместья. Однако Орлов в мягкой форме отказал Вяземскому, прибегнув к тому способу, который между Орловым и Мамоновым был уже обговорен. Свое собственное посещение Мамонова Орлов, поясняя знакомым, скрыл следующим образом: Орлов распространил слух, что он тоже не был допущен к Мамонову, что Мамонов не видится ни с кем («Как посетить невидимого?» — писал Орлов Вяземскому) и что он, Орлов, проник к Мамонову только силой, сломав дверь. Этот конспиративный слух отсекал возможность знакомства с Мамоновым по рекомендации Орлова. Однако Вяземский продолжал интересоваться Мамоновым и, видимо, накопил в своей памяти много слухов. Вероятно, это и был самый первый, ближайший источник, если не считать каких-то предшествующих туманных сведений и слухов, из которого черпал Пушкин материалы о таинственном узнике.

В отношениях Вяземского и Мамонова имел место еще один не лишенный интереса эпизод. Вяземский, собирая в Москве деньги на выкуп крепостного музыканта, обратился с соответствующей просьбой и к миллионеру Мамонову. Мамонов, однако, резко отказал, заявив, что звук каждой ноты в концерте освобожденного музыканта будет ему враждебен. Смысл этого парадоксального заявления таков: Вяземский считает возможным и желательным скорейшее проведение освобождения крестьян вне зависимости от ограничения самодержавия и организует антикрепостническую политическую акцию. Мамонов исходит из того, что освобождение крестьян до конституционного преобразования России лишит дворянскую революционность народной поддержки и безгранично усилит власть правительства. По его мнению, крестьяне должны получить свободу только из рук дворян-революционеров. Тогда политической свободе будет обеспечена народная поддержка. Сравни, казалось бы, парадоксальное, как у Мамонова, утверждение Пушкина: «Остерегайтесь уничтожать рабство, особенно в государстве деспотическом»².

В то время, когда Пушкин заинтересовался Мамоновым, судьба последнего, уже вступившего на свой трагический путь,

для незнакомого посетителя выглядела приблизительно так. Мамонов находился в своем московском дворце, но, считаясь безумцем, одновременно подвержен был не только аресту, но и очень строгой изоляции. Свиданий с ним практически не имел никто, кроме группы надзирателей, специально подобранных докторов, а также доверенных политической полиции, и мальчика-безумца, которого Мамонов воспитывал, держал при себе, любил и который был единственным существом, коему Мамонов доверял.

Вероятным откликом Пушкина на слухи о судьбе Дмитриева-Мамонова является загадочное стихотворение «Не дай мне Бог сойти с ума...»

Стихотворение это, впервые опубликованное в девятом томе посмертного издания (1841), условно датируется 1833 годом. Датировка принадлежит П. Анненкову³ и основывается на содержании. Можно предположить, что тема сумасшествия и противопоставление романтического безумия трагической реальности навеяны не только мыслями о Батюшкове, тем более что реалии стихотворения не напоминают условий, в которых находился больной Батюшков. В стихотворении создается трагический образ сумасшедшего, подверженного насильственному лечению:

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь, как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку, как зверка,
Дразнить тебя придут

(III, 1, 322—333).

Условия заключения Батюшкова, столь далекие от этой ужасной картины, были Пушкину хорошо известны: поэт посетил больного Батюшкова, окруженного заботой и попечением и, конечно, не вынес впечатлений, напоминающих описанные в стихотворении. Пушкину могли быть известны глухие слухи о жестокой расправе с Дмитриевым-Мамоновым, который предвосхитил судьбу Чаадаева в самом страшном ее варианте: он был не только объявлен сумасшедшим, но и подвергнут грубому насильственному «лечению», в конечном счете действительно сведшему его с ума. Это был первый случай «карающей медицины» в истории России⁴.

Интерес Пушкина к судьбе Мамонова подсказал ему не только образ безумца в тюрьме: он был источником еще двух творческих сюжетов.

Размышления о судьбах России в 1812 году неожиданно переплелись у Пушкина с мыслями о Мамонове. В повесть «Рославлев» Пушкин ввел упоминание о на шумевшем в том году событии, являвшемся первым проявлением политической активности Дмитриева-Мамонова: «Везде <...> повторяли бессмертную речь молодого графа Мамонова, пожертвовавшего всем своим именем. Некоторые маменьки после того заметили, что граф уже не такой завидный жених, но мы все были от него в восхищении» (VIII, 1, 154).

Пушкин обошел ту сторону выступления Мамонова, которая придавала ему политическую остроту и высоко поднимала над длинным рядом патриотических речей этого периода. Указанный текст Мамонова до нас не дошел, но мы можем судить о нем по косвенным данным: Мамонов ставил — конечно, в осторожной форме — патриотические жертвы дворянства в зависимость от получения сословием политических прав: дворянство, выполняющее, по его убеждению, ведущую роль в спасении Отечества, должно получить права, ограничивающие самодержавие, и сделаться «помощником» царя в управлении. Выступление Мамонова не получило поддержки со стороны собравшихся в Москве представителей дворянства, но мстительный Александр I его не забыл.

Эпизод этот интересным образом отразился в «Воине и мире». Л. Толстой разделил поступок Мамонова на две части. Одну из них он сохранил за историческим лицом, а другую передал Пьеру Безухову (образ Пьера Безухова — богача-магната, масона и декабриста — вобрал в себя, бесспорно, некоторые черты М. А. Дмитриева-Мамонова). В романе есть упоминание о том, что «граф Мамонов жертвует полк»⁵, и этот патриотический поступок толкает Пьера на аналогичные жертвования. Политическую сторону активности Мамонова Толстой полностью передал своему герою: «Пьер с раннего утра <...> был в волнении: необыкновенное собрание не только дворянства, но и купечества — сословий, *états généraux*, вызвало в нем целый ряд давно оставленных, но глубоко врезавшихся в его душе мыслей о *Contrat social* и французской революции»⁶.

Толстой влагает в уста Пьера речь в пользу дарования дворянству ограниченных конституционных прав: «Я полагаю, — говорил он, воодушевляясь, — что государь был бы сам недоволен, ежели бы он нашел в нас только владельцев мужиков, которых мы отдаем ему, и... *chair á saupon*, которую мы из себя делаем, но не нашел бы в нас со... со... совета»⁷.

Пушкин еще раз вспомнил имя Мамонова в «Рославлеве»:

жених Полины «вступил в Мамоновский полк» и погиб на Бородинском поле (VIII, 1, 154). Исторически мамоновцы не принимали участия в Бородинском сражении (Мамонов лично был на Бородинском поле, но полк его еще только формировался). Однако Пушкину, видимо, было важно связать жениха Полины с именем этого популярного в Москве полка.

Другой «мамоновский» замысел Пушкина связан с его устной импровизацией «Уединенный домик на Васильевском». Текст этой повести дошел до нас в записи (и, возможно, в некоторой обработке) В. П. Титова, опубликовавшего ее в 1829 году в альманахе «Северные цветы» за подписью «Тит Космократов». Текст не был мгновенным капризом фантазии Пушкина: известны по крайней мере два случая его исполнения автором — в доме Карамзиных и у Дельвигов. Повесть впервые рассмотрена А. А. Ахматовой, убедительно показавшей ее органичность в творчестве Пушкина⁸.

Если до Ахматовой исследователи склонны были считать основным автором Титова, отводя Пушкину весьма скромную роль, то после ее статьи связь «Уединенного домика» с сокровенными пушкинскими замыслами сделалась очевидной. Для интересующего нас сюжета особенно важны те наблюдения исследовательницы, которые касаются эпилога повести: «Безумие Павла совпадает с реальным «безумием» М. А. Дмитриева-Мамонова. Политический характер не то гамлетовского, не то чаадаевского помешательства»⁹. Эпизод этот А. Ахматова охарактеризовала как таинственный. Таким он и остается для исследователей. Ключом к пониманию может быть наблюдение самой Ахматовой, связавшей окончание «Домика» с обстоятельствами жизни Дмитриева-Мамонова. После смерти Веры Павел замыкается в строгом уединении, ведя таинственную и странную жизнь, в которой отчетливо выступают детали реальной биографии Дмитриева-Мамонова.

Вместе с тем не все утверждения А. А. Ахматовой кажутся одинаково убедительными. Так, исследовательница настойчиво подчеркивает мысль о том, что в пейзаже «Уединенного домика» зашифровано описание места захоронения казненных декабристов. Напомним, что Б. В. Томашевский придерживался иного мнения, связывая географию «Домика» с окраинами Петербурга в «Медном всаднике» и «Домике в Коломне». Мнение это представляется более убедительным. Укажем, что «Уединенный домик» не был произведением конспиративным: Пушкин публично читал его по крайней мере дважды в обществе. Место захоронения декабристов, окруженное глубокой тайной, было сюжетом, категорически запрещенным. П. А. Вяземский,

хранивший дома пять щепочек с места казни декабристов, почел за благо не снабжать их никакой надписью, несмотря на то, что трагическая памятка была глубоко запрятана в его кабинете.

Какую цель могло иметь описание места трагического мемориала в повести, которой развлекают дам? Очевидная связь с романтическим описанием городских окраин в повести А. Погорельского «Лафертовская маковница» (1825), в ироническом варианте — с «Домиком в Коломне», а позже — с дьяволизмом города в «Портрете» Гоголя и «Хозяйке» Достоевского создает устойчивую жанровую традицию, объясняющую замысел «Уединенного домика» гораздо лучше, чем сомнительные биографические интерпретации.

Без ответа, однако, остается поставленный Ахматовой вопрос: «После смерти Веры Павел сходит с ума. Но почему, скажите мне, он делает это точь-в-точь как самый знаменитый московский богач Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов...»¹⁰

Ответа на этот вопрос А. Ахматова не дает (в одном из вариантов работы она даже высказывает малоубедительное предположение, будто весь конец повести следует приписать В. Титову, который «когда было нужно изобразить безумие, просто записал все слухи о Дмитриеве-Мамонове»¹¹). Это неубедительно хотя бы потому, что никак не объясняет, чем связан такой конец повести с ее содержанием, кто бы ни был ее автором. Осмелимся высказать некоторые предположения, нисколько не скрывая их сугубой гипотетичности.

Известно, что Пушкина интересовал сюжет «Фауста» (или «русского Фауста»), и он многократно к нему обращался. Если рассмотреть повесть как рассказ о предыстории «петербургского Фауста», сделавшегося сначала жертвой волшебных сил, а затем погрузившегося в чернокнижие, то можно указать на некоторые дополнительные соображения. Основная часть сюжета повести рассказывает о торжестве нечистой силы над молодым героем, который «не со своим братом связался». Далее следует традиционное описание овладения героем колдовскими тайнами. Продолжение «фаустовского» сюжета должно было превратить Павла во владыку нечистых сил или в лицо, заключившее с ними договор. Завязанный таким образом сюжет открывал исключительные возможности для бытового или сатирического изображения в гетевском духе, а это, как известно, очень волновало Пушкина. По крайней мере, предполагая возможное развитие сюжета, нужно учитывать, что декабристские связи Мамонова остались для Пушкина тайной, как они были тай-

ной и для исследователей до последних лет. В Дмитриеве-Мамонове Пушкин видел не жертву политических преследований, а таинственную фантастическую фигуру «русского Фауста», чернокнижника, которого императорская реальность превратила в безумца. «Странные люди» вроде Мамонова или брата Орлова, израненного в 1812 году, а позже сделавшегося разбойником, неизменно волновали Пушкина — они давали возможность увидеть бытовую реальность при свете фантазмагории, а фантазмагорию понять как бытовую реальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни: Воспоминания. М., 1930. Т. 1. С. 40.

² *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 194, 481.

³ См.: *Пушкин.* Соч. / Изд. П. Анненкова. Спб., 1855. Т. 3. Примечания. С. 39.

⁴ Расправа с Т. Боком при Александре I хотя и была предварением подобных действий правительства, но все же имела несколько иной характер: Т. фон Бок был осужден за дерзкий поступок, но освобожден из крепости, когда действительно сошел с ума (см.: Записка Т. Е. Бока. Публикация А. В. Предтеченского // *Декабристы и их время.* М.; Л., 1951). Мамонова же не освободило от заключения даже безумие: он умер, как и жил, под замком.

⁵ *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. М., 1980. Т. 6. С. 104.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ *Ахматова А.* Пушкин в 1828 году // Анна Ахматова. Соч. М., 1986. Т. 2.

⁹ Там же. С. 173.

¹⁰ Там же. С. 176.

¹¹ Там же. С. 178.

ЛАТВИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

ТЫНЯНОВСКИЙ СБОРНИК

ЧЕТВЕРТЫЕ ТЫНЯНОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ

РИГА «ЗИНАТНЕ» 1990